

УДК 904

В.Н. Добжанский

Кемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия
E-mail: kafot@history.kemstu.ru

“ГОРОДКИ” ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ В XVII ВЕКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Введение

В исторической литературе сложилось устойчивое мнение, что в каждом улусе-княжестве енисейских киргизов в XVII в. имелись городки-крепости, которые служили “в качестве убежища во время войн. В этом, видимо, было их главное назначение” [Абдыкалыков, 1968, с. 8]. С.В. Бахрушин, например, утверждал, что «кочевники, не имевшие постоянно-го местожительства, киргизы на случай опасности имели укрепленные убежища, где, выезжая против врагов, укрывали своих жен, детей и стада. Таков был острог недалеко от устья Абакана (здесь и далее курсив мой. – В.Д.), куда во время военной опасности “для крепости и опасения киргизские люди и иные разные роды отсылали жен своих и детей, и лошадей и скотину, и всякие животы”. На Июсе у них был даже свой “каменный городок”» [1955, с. 183]. Ему вторит А. Абдыкалыков: «...о наличии киргизских “городков” русские служилые люди сообщали не раз. В одном из донесений говорилось: “Мы взяли у них три городка”» [1968, с. 8]. В работе Л.Р. Кызласова и К.Г. Копкоева список киргизских “городков” был расширен: «В стране хакасов в то время имелись определенные опорные резиденции князей – каменные крепости-“городки” и даже деревянные остроги, куда уходило население в случае военной опасности. Источники упоминают не только “Белый каменный город” – резиденцию-столицу “Больших кыргызов” XVII в. при слиянии Белого и Черного Июсов, но и “каменный городок” на Белом Июсе, “каменный городок ниже Сыды-реки”, городок на р. Еник в Кизильской земле, “киргизской острожек” близ Красноярского острога. В походе

1616 г. томские служилые люди взяли приступом три городка-крепости (“киргизских людей, и кызыльских, и бугасарских три городка высекли”). Крепость была и на Тагыр-острове, находящемся на Енисее близ устья Абакана (ныне Тагарский остров). Как указано в одном документе, в эту крепость во время военной опасности “для крепости и опасения киргизские люди и иные разные роды отсылали жен своих и детей, и лошадей, и скотину, и всякие животы”. Была еще пограничная крепость “Лозановы осады” при выходе Енисея из Саянских гор» [1993, с. 156].

Что же в действительности говорят о них документы и что на самом деле представляли собой все эти “городки-крепости”? Прежде всего рассмотрим сообщения документов о “каменном городке” на р. Белый Июс.

Существовал ли “каменный городок” на Белом Июсе?

К середине 1630-х гг. русские служилые люди хорошо ориентировались в административно-политической ситуации в Киргизской земле. Последняя представляла собой своеобразную федерацию киргизских улусов-княжеств: Алтысарского, Исарского, Алтырского и Тубинского [Бахрушин, 1955, с. 176–180; Потапов, 1957, с. 11–69; Абдыкалыков, 1968, с. 6–10; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 9–28; Кызласов, Копкоев, 1993, с. 156]. Киргизы Алтысарского улуса в документах иногда назывались “большие киргизы”, а Алтырского улуса – “верхние киргизы” [Русско-монгольские отношения..., 1996, № 25, с. 72]. Политическим центром

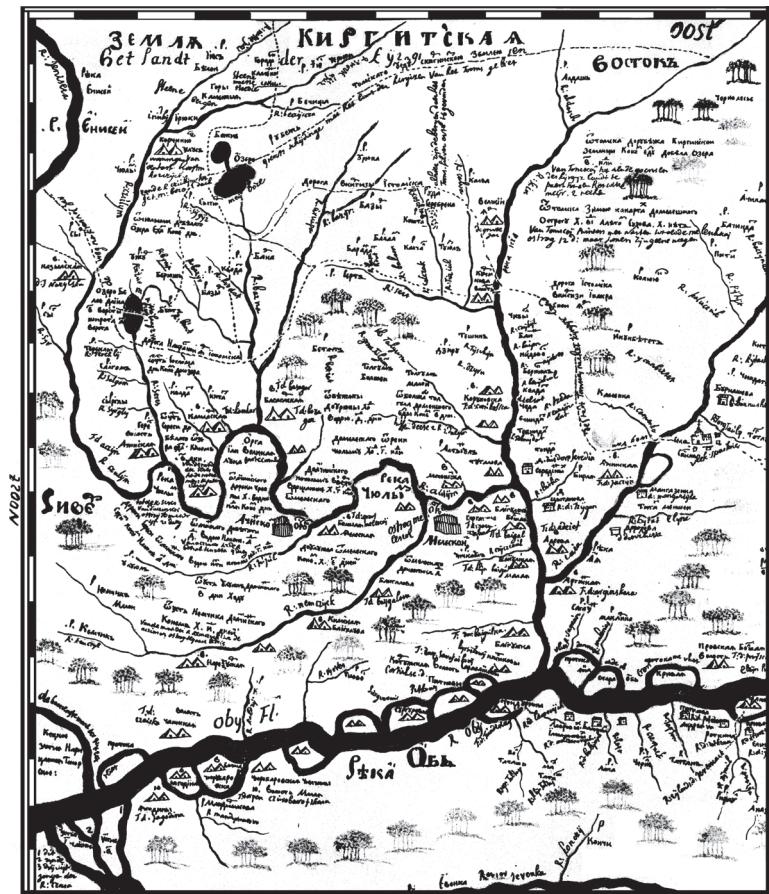

Рис. 1. Карта бассейна Чулыма и Кыргызской земли (по: [Ремезов, 1882]).

больших киргизов был район Белого Июса. В одном из документов сказано: “...пришли в большие киргизские улусы в Алтысары на Белой Миос-реку” [Там же, 1974, № 7, с. 48]. Здесь, в степной части междуречья Белого и Черного Июсов, и находился их “каменный городок”, около которого в 1627 г. посольство тобольского сына боярского Д. Черкасова вело переговоры с киргизскими князьями [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, № 16, с. 72]. Это первое упоминание “городка” в русских документах. Документы более раннего времени, в частности, статейные списки и расспросные речи В. Тюменца, И. Петрова и И. Петлина – первых русских послов, ходивших к Алтын-хану и в Китай через Киргизскую землю, – о нем молчат. Несколько раз “городок” упоминается в документах 1630–1650-х гг., но ни в одном из них указаний на его местонахождение, кроме трафаретного “на Белом Миосе”, не дается [Там же, № 20, с. 90; № 24, с. 102; Русско-монгольские отношения..., 1974, № 29, с. 134; 1996, № 22, с. 56].

Следует заметить, что в книге Л.Р. Кызласова 1992 г. “каменный городок” превратился в “центральный Белый каменный город на р. Белый Июс”

[с. 61]. Однако через год, в другой работе, обширная выдержка из которой приведена выше, исследователь пишет о “каменном городке” на р. Белый Июс в полном соответствии с русскими документами XVII в. Вместе с тем “центральный Белый каменный город”, который он провозгласил столицей Хакасии XVII в. и о котором нет никаких сведений в документах, Л.Р. Кызласов локализует уже в месте слияния Белого и Черного Июсов [Кызласов, Копкоев, 1993, с. 156]. В свою очередь, Д.Я. Резун утверждает, что “каменный киргизский городок располагался за Белым Июсом”. На современной карте Хакасии он “показан… по правую сторону от р. Шира, впадающей в оз. Билё, недалеко от современной железнодорожной станции Шира” [1984, с. 46]. Документами, однако, это не подтверждается [Русско-монгольские отношения..., 1996, № 22, с. 56].

Определить местонахождение “городка” действительно сложно. Информация об этом в статейных списках томских служилых людей, ходивших в качестве послов к правителям Северо-Западной Монголии, крайне скучна. Лишь в одном из них, статейном списке сына боярского С. Греченина, подробно описан маршрут посольства к

Алтын-хану Лубсану. В нем, в частности, говорится: “И октября в 2 день приехали в Киргисскую землю на урочище на Божье озеро в улус х киргискому князцу Шянде Сенчикеневу. И того ж месяца в 3 день князец Шянды дал подводы и провожатых до отца своего князца Сенчикеня... И того ж числа приехали ко отцу ево князцу Сенчикеню на урочище на Бечиш-реку. И октября в 4 день князец Сенчикенъ дал подводы и провожатых, и приехали в улус х киргискому князцу Собуке и тут в улусе за подводы стояли 3 дни... И октября в 7 день от князца Собуки из улуса поехали за реку за Черной Июс и приехали на реку на Белой Июс в киргиские ж улусы ко князцам к Иргелью да к Емандаре Изерчеевым детем. И октября в 8 день ис тех улусов на подводах поехали вверх по Белому Июсу и в улус приехали ко князцу Изерчею. И октября в 9 день ис того улуса от князца Изерчая на ево подводах приехали в киргиские ж улусы ко князцам к Табуну Кочебаеву, да к Сеньже Карину, да к Собе Тайтыкаеву на урочище на речку *Оу близ Белово Июса против каменново городка*” [Там же].

К сожалению, р. Оу в междуречье Белого и Черного Июсов на современных картах Хакасии не найдена.

Однако контекст документа позволяет отождествить ее с одним из современных гидронимов и приблизительно определить местонахождение “городка”. В междуречье Белого и Черного Июсов известно несколько речек. Нас должны интересовать речки, русла которых находятся в непосредственной близости от Белого Июса. Таких речек три – Черная, Черемушка и Кизилка. Кизилка течет в обширной сильно заболоченной пойме Белого Июса. Речка Черная вытекает из одноименного озера, огибает гору Хызылхас и течет параллельно Белому Июсу. Ее низовье теряется в заболоченной пойме Белого Июса. Между Черным и Белым Июсами течет Черемушка, верховье которой в летнее время сильно пересыхает. Возможно, что Черемушка когда-то вытекала из оз. Черного либо, что более вероятно, она является ответвлением речки Черной. На этом основании Черная может быть отождествлена с р. Оу. Этому не противоречит и расчет расстояния между улусами, которые указаны в статейном списке С. Греченина. От оз. Божьего (ныне Большое) до речки Оу посольство С. Греченина ехало четыре дня. Учитывая, что дневной переход лошади составляет ок. 25–30 км, мы получаем примерно 100–120 км. Место кочевки Т. Кочебаева, С. Карина и С. Тайтыкаева в таком случае должно было находиться в районе современной горы Сундук. Единственная речка, которая находится на пути (если подниматься вверх по Белому Июсу), – Черная. Примерно в этом месте на “Чертеже земли Томского города” С.У. Ремезов сделал надпись: “Городок каменной”. Рядом с ней пунктиром показана “дорога в Киргизы ис Томска” (рис. 1, 2) [Ремезов, 1882, л. 11].

Что касается оборонительной функции данного “каменнова городка”, то о ней ни в одном документе нет даже намека. Более того, описания походов русских ратников на “киргиских изменников” или же сообщения о приходе монгольских отрядов Алтын-хана свидетельствуют об обратном. Согласно описаниям походов, киргизы прятали своих жен и детей в горах, а сами уходили на юг, к Уйбату и Абакану, а по информации о вторжении, наоборот, они вместе с семьями откочевывали на север, ближе к Томску [Бутанаев, Абыкалыков, 1995, № 14, с. 52–53; № 56, с. 193; Русско-монгольские отношения..., 1959, № 124, с. 280; Дополнения..., 1867, № 80/XVI, с. 392].

В документах ни разу не встречено описание “городка”. Вся характеристика “киргизского городка” сводится к словам: “а киргизы кочевали в те поры на Белом Миюсе у каменнова городка” [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 29, с. 134]. И это не случайно. В статейных списках русских послов отмечается появление у джунгаров каменных городов, а также приводится их достаточно подробное описание. Тобольский казак Г. Ильин, ездивший по делам службы к Батуру-хунтайджи, после своего возвращения

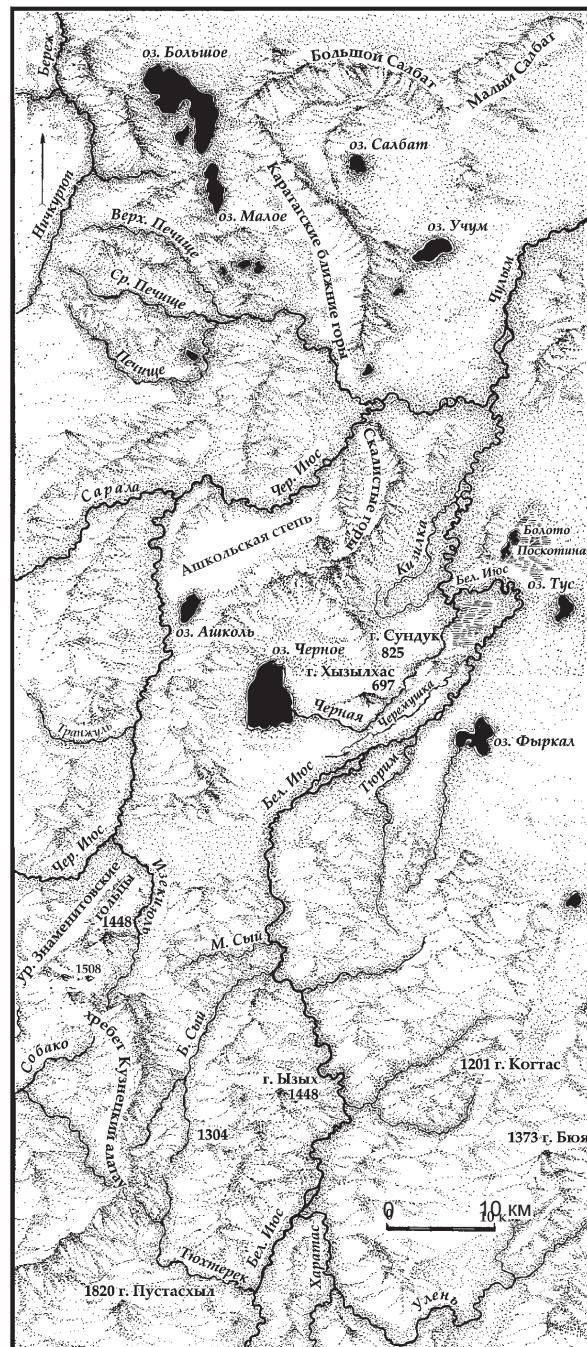

Рис. 2. Карта Алтысарского улуса.

сообщил: “А кон де тайша ныне кочует у своих городов в Кубаке (урочище Кобук-Саур. – В.Д.). А у кон де тайши 3 города кирпицных: один белой, а четвертой де город заводит внове. А от города де до города езду по днищу. А в тех де ево городех живут ево, контайшины, лабы и пахотные ево люди. А он де, контайша, кочует около тех своих городов” [Там же, № 64, с. 239; Златкин, 1964, с. 179–180]. Как свидетельствуют русские архивные документы, первыми жителями этих

городов были ламы. Из этого следует, что основатель Джунгарского государства Батур-хунтайджи строил в первую очередь монастыри, которые становились очагами оседлости. Около монастыря располагалась ставка хана или князя со всеми службами, в окрестностях монастыря вводилось хлебопашество, которым занимались пленные из земледельческих оазисов Средней Азии [Златкин, 1964, с. 181]. На “Чертеже земли Красноярского города” в верховьях Енисея рядом с надписью “Озеро Долон Нор” С.У. Ремезовым показаны три значка с надписью: “Город каменной старой, две стены целы, а две роввались. А катораго города того незнаем” [1882, л. 14]. Видимо, именно об этих развалинах сообщали в феврале 1617 г. в тобольской приказной избе В. Тюменец и И. Петров, давая показания о своей поездке к Алтын-хану: “А из Киргиз мы шли до Золотого царя Кунгандея месец конем, а горами каменными шли 10 ден, от Киргиз бывали полаты, а ныне де то место пусто. И мы про те хоромы и полаты розграшивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про полаты: тогда живали китайские люди и Золотого царя люди” [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 20, с. 58]. В росписи Китайского государства и Монгольских земель, подготовленной томским казаком И. Петлиным в 1619 г., отмечалось: “А города в Мугальское земле деланы на 4 углы, по углам башни; а с-ысподе у города кладен камень серой, а к верху кладено кирпичем; а у ворот городовых своды так же, что у русских городов; а на воротах на башне колокол медной вестовой, пудов 20; а башня крыта образцами кирпишными” [Там же, 1959, № 34, с. 81].

Из этих кратких, но достаточно емких сообщений видно, что казаки всегда интересовались внешним атрибутами “чужой” культуры, особенно такими важными, как города, являвшиеся центрами экономической и административной жизни, и четко различали жилые и нежилые города. Информации о “каменном городке” кыргызов документы не содержат.

Г.Ф. Миллер, уделявший много внимания описанию сибирских древностей и при всяком удобном случае обязательно посещавший такие городки [1999, с. 239, 241], ни в “Описании” Томского уезда, ни в своем “Путешествии из Красноярска через степи реки Июс до реки Абакана” даже не упоминает о существовании “каменного городка” [Элерт, 1988, с. 59–101; Сибирь..., 1996, с. 144–171]. О нем нет ни слова и в “Истории Сибири” [Миллер, 1999, с. 172–176, 307, 309, 316–318; 2000, с. 48, 52, 55–62, 67–74]. А ведь со времени увода ойратами киргизов в Джунгарию в 1703 г. прошло только 36 лет. “Каменный городок” киргизов, если таковой существовал, не мог бесследно исчезнуть за столь короткое время.

Приведенные факты полностью противоречат общепринятым пониманию функционального назна-

чения “каменного городка” на Белом Июсе, а также ставят под сомнение само его существование. В этой связи возникает вопрос, что же тогда принимали за “каменный городок” киргизов служилые люди?

Хакасско-Минусинская котловина является уникальным природно-археологическим регионом. Особенно многочисленны здесь памятники раннего железного века, представленные могильными комплексами (группами курганов) т.н. тагарской культуры. Характерно, что они сооружены из крупных каменных плит, поставленных вертикально.

Казаки, впервые увидевшие эти комплексы раннего железного века, выложенные камнем, с многочисленными каменными стелами, вероятно, приняли их за остатки “каменного городка”. В противном случае не ясно, о каком “каменном городке” может идти речь. Киргизы были кочевниками-степняками. По словам служилого человека Г. Михайлова, ходившего в качестве толмача с В. Тюменцем и И. Петровым к Алтын-хану, “Киргизская де землица кочевная, живут в-ызбах в полстяных” [Русско-монгольские отношения..., 1959, № 21, с. 58].

Не исключено также, что за “каменный городок” мог быть принят ритуально-поминальный комплекс самих киргизов, который Л.П. Потапов назвал “древним центром владения” [1957, с. 16]. В этой связи обращает на себя внимание одно место из известного сказания конца XV в. “О человеке незнаемых в восточной стране”, где сказано о некоем “граде без посада” и без жителей. Как показал А.Д. Анучин, автор сказания принял за “град” причудливо вывернутые скалы. Его ошибка «объясняется, прежде всего, уровнем общественного развития, достигнутом к тому времени, когда город стал неотъемлемым фактором цивилизации. Русскому человеку, впервые попавшему на бескрайние сибирские просторы, было в диковинку отсутствие больших, оживленных городов, и увиденное в пути он нередко классифицировал, исходя из сложившихся представлений. Так, в отписке кузнецкого воеводы 1680/81 гг. сообщается о том, что “верх Енисея реки выше устья Абакана реки есть Тагыр-остров длиною 5 верст, а с одного конца на том острове залег камень подобен городовой стене”» [Резун, 1982, с. 16].

Следует отметить, что уже во второй половине столетия известия о “каменном городке на Белом Миюсе” исчезают из документов. Последний раз упоминание о нем встречается в статейном списке С. Греченина за 1659 г. [Русско-монгольские отношения..., 1996, № 22, с. 56]. Этому не противоречит надпись “городок каменной” на “Чертеже земли Томского города” С.У. Ремезова [Андреев, 1960, с. 107; Гольденберг, 1965, с. 37–47].

Если существование “каменного городка на Белом Миюсе” оказалось под большим вопросом, то

о наличии таких “городков” в других киргизских улусах-княжествах документы вообще молчат. Так, в статейных списках русских послов, ходивших к Алтын-ханам через Алтырский улус, нет какой-либо информации о существовании здесь “городка” [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 7, с. 32, 48; № 28, с. 104–105; № 29, с. 134]. Вместе с тем, согласно документам, в Алтырском улусе был городок князца Талая. Этот князек был главой сагайцев, небольшой родоплеменной тюркоязычной группы охотников, являвшихся кыштымами алтырских князей. Городок Талая находился на р. Улель (вероятно, современная Улень, правый приток Белого Июса) в горно-лесной местности на востоке Кузнецкого Алатау [Там же, 1959, № 104, с. 228; № 105, с. 230].

Историческая география “киргизских городков”

Следующими в списке “киргизских городков” исследователи называют “каменный городок ниже Сыды-реки” и “городок на р. Еник в Кизильской земле”. Обратимся к документу, на который ссылается Л.Р. Кызласов, включая эти городки в число киргизских. Имеется в виду отписка красноярского воеводы М.Ф. Скрябина о переговорах сына боярского С. Коловского с послом Алтын-хана Мерген Дегою. Чтобы не показаться голословным и не быть обвиненным в предвзятости, приведу обширную выдержку из этого документа: “В нынешнем... во 161 (1652) году октября в 21 день присыпал в Красноярской остроге ис Киргиские земли киргиской князец Иженей Мерген улусных татар дву человек, что пришел в Красноярской уезд на государеву Тубинскую землю Алтына-царя племянник Мерген-тайша с воинскими людьми с семью сот человек, убегаючи от Алтына-царя, и стал на государеве Тубинской земле на Ербинском устье меж государевыми ясашными людьми от Красноярского острогу в 5-ти днищах. И почал де он, Мерген-тайша, государевых ясашных людей грабить и розорять, и многих де ясашных людей поимал сильно, а иных розогнал врознь. И я, господине, по тем вестям послал Алтына-царя к племяннику к Мерген-тайше говорить о государеве деле красноярских служилых людей Степана Коловского да толмача Ивашка Архипова да Евсевейка Ковригина. И ноября... в 26 день писали ко мне ис Киргиские земли красноярские служилые люди Степан Коловской с товарищи... Ноября де в 22 день приехал он, Степан, с товарищи на край Киргиские земли и съехался на усть Тумны-реки с киргискими людьми. И те де киргиские люди им сказывали, что пришел на Киргисскую и Тубинскую землю Мугальские земли Алтын-царь с сыном своим Лочаном, а с ними де пришло воинских людей

4 тысячи человек. А после де пришел к нему, Алтын-царю, на помочь тайша ево, а с ним тысяча человек. А стал де он, Алтын-царь, со всеми воинскими людьми на Ербинском устье от Красноярского острогу в 5-ти днищах, и племянника де своего Мерген-тайшу со всеми людьми Алтын-царь осадил накрепко в каменном городке ниже Сыды-реки, и киргиских и тубинских всех лутчих князцов поимал де Алтын-царь к себе сильно 70 человек. И ево де алтыновы люди у киргиз и у тубинцов и у всех государевых иноземцов кони и скот отгоняют, и животы их на лабазах грабят, и из земли выкопывают. *И киргизы де и тубинцы, и олтырыцы и керенцы от Алтына-царя прибежали со всеми своими улусы под Красноярской острогу на Кизильскую землю на речку Еник и обсеклися в городке от Красноярского острогу в дву днищах*” [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 129, с. 380–381].

После того, как Алтын-хан помирился со своим племянником, он “приказывал ко всем государевым людям, х киргизам и тубинцам... что... на свое место сажает сына своего Лоджана, потому что он, Алтын-царь, устарел. ...И киргизы де и тубинцы и все государевы иноземцы советовали меж собою, и Алтынова-царева сына Лоджана во всем слушать хотят так же как слушали и Алтына-царя и ясак ему хотят давать по-прежнему. *И ныне де киргизы и все государевы иноземцы ис-под Красноярского острогу из острожку, в чом обсеклися, вышли и покочевали вверх по Серешеречке к Белому озеру, а Мерген де тайша пошол в свою землю за Саянской Камень*” [Там же, с. 383].

Конечно, русский язык деловой письменности XVII в. отличается от современного русского делового и даже разговорного языка, однако не настолько, чтобы не понять, что городок “ниже Сыды-реки” никакого отношения к киргизам не имеет. Вырванная из контекста документа фраза абсолютно неверно отражает его суть, вводит читателя, не знакомого с этими документами, в заблуждение и порождает совершенно искаженное представление о предмете исследования. Тем не менее здесь требуются некоторые историко-географические пояснения, которые указаны выше исследователями либо не принимались во внимание, либо остались непонятыми.

Хотя четкого представления о границах Тубинской земли в литературе нет, тем не менее, я вряд ли ошибусь, если скажу, что земля располагалась по Тубе, правому притоку Енисея, где кочевали тубинские князья и их кыштымы, а также по правому берегу Енисея до устья р. Ои. Более точные границы Тубинской земли определить невозможно, т.к. состав и количество улусов (волостей), входивших в “Тубинскую землицу” не были постоянными [Долгих, 1960, с. 274; Потапов, 1957, с. 95–106].

Река Ерба является левым притоком Енисея, а слова “на Ербинском устье” означают, что Мерген-

тайша остановился на правом берегу Енисея напротив устья Ербы. Встать “на устье реки” или поставить “на устье реки” город на языке XVI–XVII вв. означало не в “устье” самой реки, а напротив устья. Так, И. Мансуров, прибывший с отрядом стрельцов осенью 1585 г. на помошь Ермаку и уже не заставший казаков в Сибири, был вынужден проплыть до Оби, где поставил Обской городок “над рекою Обью на усть Иртиша” [Строгановская летопись..., 1907, с. 40]. В Есиповской летописи об этом событии сказано: “Иван же Мансуров... повеле поставить городок над рекою Обью против Иртишского устья”, т.е. напротив впадения Иртыша в Обь, на ее правом берегу [Есиповская летопись..., 1907, с. 151; 1987, с. 64; Миллер, 1999, с. 261; Ермоленко, 2004, с. 194–196].

Река Сыда впадает в Енисей с правой стороны примерно на 5 км выше устья Ербы, впадающей слева. Мерген-тайша укрепился, по всей видимости, на одной из сопок правого берега Енисея, между устьем реки Сыды и стоянкой Алтын-хана. Как понимать слова документа о “каменном городке”? Исследователи восприняли эти слова буквально, полагая, видимо, что монголы либо заняли “городок” тубинцев, либо построили свой. На самом деле это не так, потому что, во-первых, у тубинцев таких “городков” не было, во-вторых, у Мерген-тайши не было ни навыков, ни времени для строительства такого “городка”.

Что же касается “архитектурного” облика этой крепости, то ответ на этот вопрос, как мне представляется, можно найти в “Материалах по истории Сибири” Г.Н. Потанина. Здесь имеется любопытная выписка из рапорта прaporщика Ширяева, который с отрядом из 150 чел. ходил в марте 1760 г. вверх по р. Чарыш “для искоренения калмык”. Погнавшись, команда нашла калмыков на высокой сопке, но они отстрелялись. Сам Ширяев с небольшим отрядом из 24 чел. “пошел за ушедшими в Кан калмыками, но калмыки, заметя его, навьючив лошадей, поднялись на высокую сопку, где они прежде от мунгалов и киргизов отлеживались; и выкладены у них на верху самой сопки из камню защиты и бойницы” [Потанин, 1866, с. 113]. Вероятно, традиция сооружать подобные “защиты и бойницы” была заимствована у монголов. Существовала ли подобная практика сооружения “защит и бойниц” у других кочевников горно-степных ландшафтов – сказать сложно. В этот тип “каменных городков”, надо полагать, вписывается и “каменный городок ниже Сыды-реки”. Во всяком случае, у киргизов ничего подобного документами не фиксируется.

В литературе точно не указано местоположение Кизыльской волости. По мнению К.Н. Сербиной, волость находилась в междуречье Кондомы, Бии и Абакана [2000]. С точки зрения З.Я. Бояршиновой, она располагалась по Чулыму [1950, с. 37, 40]. С этим оп-

ределением соглашался Б.О. Долгих [1960, с. 99–100]. Однако на “Карте расселения племен и родов Сибири в XVII в.” исследователь поместил Кизыльскую волость немного восточнее Чулыма [Долгих, 1968]. Л.П. Потапов, рассмотрев имеющиеся в источниках упоминания о кизылах, больше склонялся к мнению С.У. Ремезова [Потапов, 1957, с. 145–146].

В конце XVII в. Кизыльская ясачная волость находилась на правом берегу Чулыма, между устьями двух его притоков – Большого и Малого Сыров. С.У. Ремезов отметил специальным значком юрты кизыльских ясачных людей в низовье Малого Сыра [1882, л. 11]. В первой трети XVIII в. Кизыльская волость располагалась “в 30 верстах выше устья р. Серес или Сереш” [Элерт, 1988, с. 81], т.е. примерно там же, где ее отметил и С.У. Ремезов. Таким образом, С.У. Ремезов и Г.Ф. Миллер указали лишь местоположение собственно юрт кизылов; словом “волость” обозначали преимущественно население [Потапов, 1957, с. 143; Кимеев, 1989, с. 75]. Однако территория волости была шире: кроме местообитания кизылы имели и охотничьи угодья. Последние включали значительную часть Солгонского кряжа к западу от Малого Сыра. Далее вниз по Чулыму, между р. Сырглы и устьем р. Сереж, показаны юрты Ачинской волости [Ремезов, 1882, л. 11]. Г.Ф. Миллер отмечает Ачинскую волость “выше и ниже устья р. Сереш” [Элерт, 1988, с. 81]. Можно предположить, что западной границей территории Кизыльской волости была речка Сырглы. Река Сереж вытекает из Белого озера и впадает с левой стороны в Чулым примерно в 8–10 км к востоку от современного г. Назарово Красноярского края. Она имеет несколько притоков с правой стороны; один из них – р. Солгон – на карте С.У. Ремезова назван Солгом. Речку Сырглы можно отождествить с современной речкой Сереуль, поскольку далее вниз в Сереж впадают только две очень небольшие речушки, которые обе называются Березовками. Для нас важно то, что между Солгоном и Сереулом в Сереж впадает еще одна речка, не отмеченная на чертеже С.У. Ремезова, – Изынджуль [Риттер, 1877, с. 547]. Без сомнения, это та самая речка Индзул, которую И.Е. Фишер, а за ним Л.П. Потапов отождествили с р. Еник нашего документа [Фишер, 1774, с. 513; Потапов, 1957, с. 145–146].

Установить сейчас точное местонахождение городка крайне сложно. Изынджуль, протяженность которой ок. 18 км, берет начало на северных склонах Солгонского кряжа и течет по безлесной холмистой местности. Можно предположить, что киргизы “обсеклись в городке” недалеко от устья Изынджула, т.к. после ухода монголов они “покочевали вверх по Сереше-речке к Белому озеру”. Глагол “обсекати” в русском языке XVII в. имел два значения: 1) обрезать, отсекать; 2) срубать, вырубать около и по краям чего-

либо [Словарь..., 1987, с. 167]. Второе значение этого слова как нельзя лучше характеризует то сооружение, которое было срублено для защиты от “мугалов”. Это не город и не острог, как понимали их русские люди в XVII в. [Резун, 1982, с. 16–55], а некоторая территория, окаймленная по периметру поваленными, срубленными деревьями. Где мог находиться этот “городок”? На правом, более высоком берегу речки имеются две сопки: одна без названия высотой 372 м, другая называется “Барышова Печь”, ее высота 476 м. Обе покрыты лесом. Не исключено, что одна из них и могла стать местом для убежища киргизов от монголов Алтын-хана (рис. 3).

К числу киргизских крепостей Л.Р. Кызласов относит и “киргизской острожек” близ Красноярского острога, о котором известные мне документы совершенно молчат. Как отмечалось выше, эти сведения исследователь обосновывает ссылкой на цитируемую выше отписку М.Ф. Скрябина. Внимательное прочтение данной отписки позволяет понять, откуда появился “киргизской острожек” вблизи Красноярска. Исследователь буквально воспринял следующие слова отписки: “И ныне де киргизы и все государевы иноземцы *ис-под Красноярского острогу из острожжу, в чом обсеклися, вышли и покочевали вверх по Сереше-речке к Белому озеру, а Мерген де тайша пошол в свою землю за Саянской Камень*” [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 129, с. 383].

Вырванные из контекста всего документа, эти слова стали для Л.Р. Кызласова основанием для подобного умозаключения. Исследователь проигнорировал предыдущий текст отписки, в котором совершенно недвусмысленно говорится о том, что после ухода монголов киргизы покинули городок, или “острожек”, по выражению казаков, в котором они “обсеклися” на речке Еник, и покочевали по р. Сереж (см. выше выдержку из документа). Служилые люди сами городка-острожка не видели и описывали сложившуюся ситуацию со слов киргизов: “И те де киргиские люди им сказывали...” [Там же, с. 381].

А. Абдыкалыков в подтверждение своего тезиса о существовании в каждом киргизском улусе “городка” ссылается, судя по контексту цитируемого абзаца, на доклад Я.О. Тухачевского из фонда Сибирского приказа ЦГАДА (ныне – РГАДА): “Мы взяли у них три городка”. Как выясняется, одним из таких “городков” был тот, о котором докладывал Я. Тухачевский. Остальные два городка находились в других киргизских улусах, о чем еще будет сказано» [Абдыкалыков, 1968, с. 8]. Под последними двумя исследователь, видимо, имел в виду “городок ниже Сыды-реки” и “городок” на р. Еник, т.к. никаких других городков он больше не упоминает. О каком докладе идет речь? Имеется в виду отписка тарского воеводы Я.О. Тухачевского в Сибирский приказ о результатах похода в Киргизскую землю летом 1641 г. Подготовка похода, сам поход и

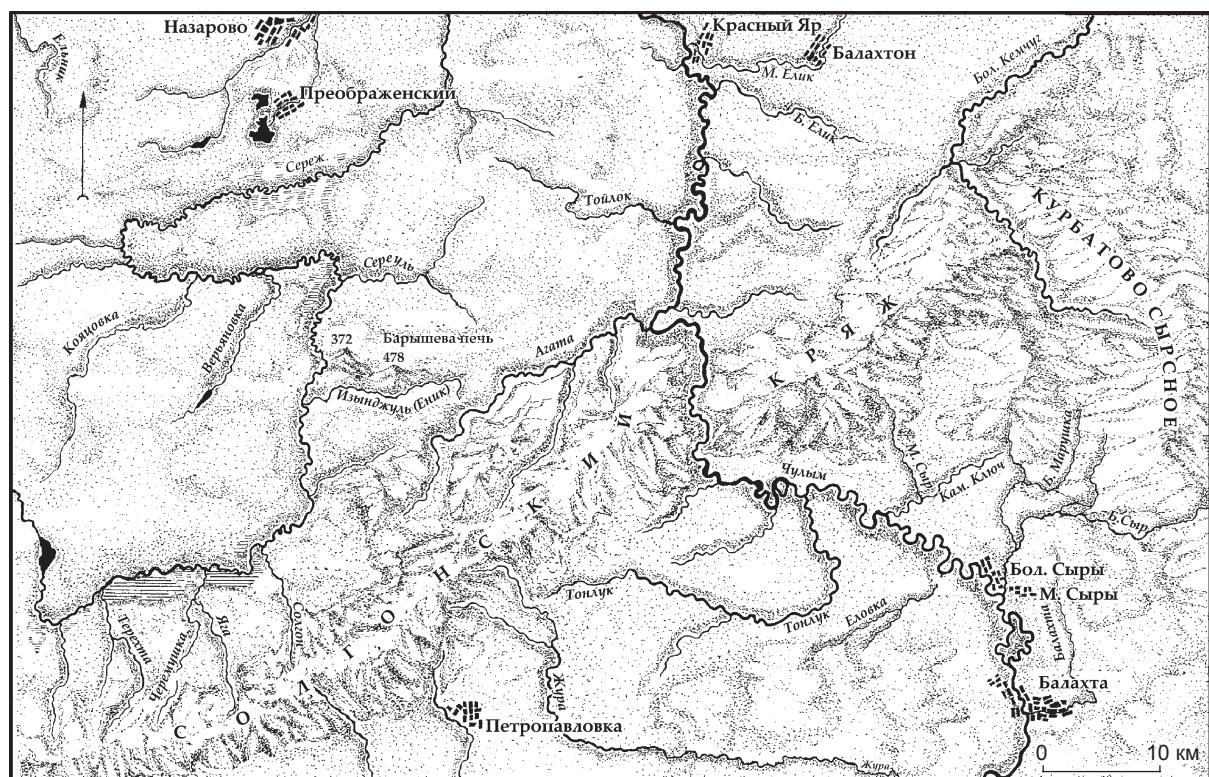

Рис. 3. Карта Кызыльской волости.

строительство Ачинского острога подробно рассмотрены в книге Д.Я. Резуна [1984, с. 43–80].

На этапе подготовки похода Я.О. Тухачевский упоминает о “каменном городке на Миусе-реке”, до которого, по его словам, можно “проводить” необходимые запасы в судах по Чулыму и Белому Июсу [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, № 20, с. 90; № 24, с. 102]. Вместе с тем в отписке о результатах похода при описании боев с киргизами ни этот, ни другие городки не упоминаются [Там же, № 25, с. 102–107].

О трех городках киргизов-хакасов пишет и Л.Р. Кызласов со ссылкой на челобитную томского казака Б. Терского, в которой, в частности, говорится: “В прошлом, государь, в 122 (1613/14)-м году приходили, государь, твои государевы изменники киргизские люди и кызылские, и бугасарские, и мелеские, и чюльмские в твою государеву отчину под Томской город войной”. Ответом на это нападение стал в “124(1615/16)-м году” поход томских казаков “в Киргизы, и в Кизилы, и в Бугасары”, “киргизских людей, и кызылских, и бугасарских три городка высекли, жен и детей в полон поимали...” [Миллер, 1999, прил., № 88, с. 435].

В другой, коллективной, членобитной томских служилых людей имеются существенные дополнения, касающиеся этих событий. Во-первых, приводится точная дата нападения: “во 122-м году июля в 8 день”, т.е. в 1614 г.; во-вторых, уточняется социальный статус нападавших и расширен их список: “приходили, государь, под Томской город войною твои государевы изменники киргизские ясашиные люди и служивые татаровя: богасарские, и кызылские, и чюльмские, и мелеские, и керексусы, и кузнецкие люди, войною”; в-третьих, поход на “киргизских, и на багасарских, и на кызыловых людей” начался “во 124-м году сентября в 30 день” [Там же, прил., № 92, с. 438], т.е. в 1615 г. О результатах похода казаки пишут: “...и мы, государь, холопи твои государевы, божию милостию и твоим государевым счастием киргизских, и багасарских, и кызыловских людей привели под твою царскую высокую руку к шерте, и перво, государь, киргизские, и багасарские, и кызыловы люди тебе, государю служат и прямят, и ясак с себя платят, и жен их и детей в полон поимали, и заклады у них поимав в город привели” [Там же]. О том, что в ходе похода, по словам Б. Терского, были штурмом взяты три городка, казаки умалчивают. Словами “киргизские ясашиные люди” подчеркивается их социальное положение, т.е. население, зависимое от кого-то, в данном случае от Русского государства, и эта зависимость выражается в уплате ясака. З.Я. Бояршина отмечала, что в первые два десятилетия XVII в. под термином “Киргиссы”, или “Киргизские земли”, в ясачных книгах понимались Кизильская, Басагарская, Кийская, Керексусская и Кимская волости Томского

уезда. “Киргиссами” они назывались потому, что являлись кыштымами енисейских киргизов [1950, с. 37, 40]. Л.П. Потапов же полагал, что эти «пять волостей именовались “киргизские земли” потому, что они были расположены на землях и кочевьях, которые до русского освоения Сибири считались киргизскими» [1957, с. 142]. Здесь следует заметить, что в документах определение “киргизский” применительно к киштымам енисейских киргизов, небольших родоплеменных групп охотников, обитавших по Чулыму и их притокам, встречается на протяжении всего XVII в. [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 127, с. 378; 1996, № 11, с. 38; Миллер, 2000, прил., № 163, с. 308; Потапов, 1957, с. 14; Долгих, 1960, с. 99]. Именно эти киштымы под именем “киргизские люди” упоминаются в членобитной Б. Терского, и особенно в коллективной членобитной томских казаков.

Насколько вольно обращаются исследователи с документами, видно на примере изучения еще одного “киргизского городка” – пограничной крепости “Лозановы осады”, находившейся “при выходе Енисея из Саянских гор”. В своем спецкурсе Л.Р. Кызласов указывает и источник сведений о данной крепости: прим. 1 к цитированной выше отписке М.Ф. Скрябина [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 129, с. 380–386]. Авторы комментария к данному документу кратко характеризуют Лоджана, упоминаемого в русских документах, или Лубсан-сайн Эринчинхунтайджи (1657–1696), – последнего Алтын-хана, сына Омбо Эрдени-хунтайджи. Они указывают, в частности, что в 1662 г. Лубсан «воевал с Тушету-ханом, потерпел поражение и вынужден был отступить сначала в район р. Кемчик, затем – р. Упсы и далее на север к Красноярску, где в 1666 г. в месте владения р. Сизой в Енисей возвел город-крепость, известный у русского населения под названием “Лозановы осады”» [Гольман, Слесарчук, 1974, с. 427]. Эти сведения, источник которых, к сожалению, не указан, были повторены Г.И. Слесарчук и в третьем сборнике документов о русско-монгольских отношениях [Слесарчук, 1996, с. 449].

Если следовать указаниям М.И. Гольман и Г.И. Слесарчук, р. Сизая должна впадать в Енисей то ли в районе Красноярска, то ли недалеко от устья р. Упсы. В данном случае ближе к истине Л.Р. Кызласов. Сизая впадает в Енисей не севернее устья Упсы, а южнее, но не в месте выхода Енисея из Саянских гор, как это утверждает Л.Р. Кызласов, а примерно в 8 км выше по реке, напротив пос. Майна [Красноярский край..., 2005, с. 97]. Строил ли здесь Лубсан какие-либо “осады” – неизвестно. Ни в одном документе, связанном с именем монгольского правителя, Лозановы осады не упоминаются [Русско-монгольские отношения..., 1996, № 72, 74, 76, 81, 82]. Но в одном из них, в выписке в доклад от декабря 1666 г.,

составленном в Посольском приказе по отпискам красноярского воевода Г.П. Никитина, говорится следующее: “А про того де мугальского царевича (Лубсана. – В.Д.) киргизы сказывают ему (Никитину. – В.Д.), что де он, царевич, ожидает на себя жолтых мугал войны и стоит в Саянском каменю вверх реки Енисея и готовит для побегу струги, чтоб от войны жолтых мугал уйти под Красно[ярской] острог или в Кансскую землю водою...” [Там же, № 76, с. 162]. Как уже, наверное, заметил внимательный читатель, не верна локализация указанной крепости, вызывает недоверие и само ее существование, а кроме того, никакого отношения к киргизам она не имеет.

Еще одна киргизская крепость, на Тагарском острове, также ни в каких документах не значится. Она появилась сначала под пером С.В. Бахрушина, а затем А. Абдыкалыкова. Первый назвал ее острогом, о чем говорилось выше, а второй – городком.

В начале 1683 г. в Сибирском приказе были опрошены томские служилые люди “о походе на киргиз”. Свои предложения о том, “коими mestы и в кое время... розным людем воинюходить и как хлебные запасы проводить” они изложили в т.н. письменной росписи. Эта роспись была направлена енисейскому воеводе К.О. Щербатову “для разсмотрения и сделания замечаний” [Дополнения..., 1867, № 80/XVI, с. 391]. Енисейские служилые люди сообщили подробные маршруты в Киргизскую землю и указали на удобное для постройки острога место – остров Тагыр на Енисее, выше устья Абакана, представляющий собой природную крепость: “А того де острова по смете в длину верст с 5... А тот де остров среди Енисея реки, а с одного де конца на том острову залег камень, подобен городовой стене... а того де места, откуда приход в тот камень, поперег острова... по смете сажен с 5, и то ж место к поставлению острога... будет крепко” [Бахрушин, 1955, с. 219–220].

Сам С.В. Бахрушин не привел ни одного документального свидетельства, которое подтверждало бы его тезис о существовании острога на Тагарском острове. Вместе с тем, при описании вторжений войск Алтын-хана в Киргизскую землю он отмечал: “Киргизы, тубинцы и их кыптымы, охваченные паникой” разбегались от “мугал” Алтын-хана и его племянника “в камень и в черные леса”, а часть их спасалась на подвластной русским территории [Там же, с. 205–207].

А. Абдыкалыков пишет: «Близко к Уйбату на р. Енисее находился остров, на котором, по сообщению служилых людей, имелся “городок”. Об этом рассказал красноярский сын боярский Г. Ермолаев в 1684 г. при допросе перед воеводою К.О. Щербатовым, который, в свою очередь, писал царю, что “де остров на Енисее реке от устья Абаканского ехать степью на лошадях половина дни и меньше. А тот де остров на среди Енисея реки, а с нижнего де конца от

Абакана реки по обе стороны того острова... камень, на версти или меньше, высокой подобно городовому делу и крепость де великая. А приход де... от камен только с одну сторону с верхнего конца того острова, а того де места... камень поперек острова покамест тот камень залег по смете сажен”. Этот остров назывался “Тагыр остров” и являлся убежищем киргизов и других “инородцев” во время войн» [1968, с. 9–10].

Приводимая обоими авторами цитата из документа, хранящегося в фонде Сибирского приказа (стб. 715), полностью противоречит их утверждению о наличии на Тагарском острове острога или городка киргизов. Исследователи не поняли, что воевода со слов служилых людей оценивал и сам остров, и особенно находившийся на нем “камень”, как природную крепость. Достаточно было только поставить на этом “камне” русский острог, чтобы сломить сопротивление киргизов. Желание поставить в устье Абакана или где-то рядом русский острог не давало покоя московским властям на протяжении всего XVII в. Первые попытки в этом направлении относятся еще к 1630-м гг. [Русско-монгольские отношения..., 1974, № 41, с. 187–188].

Вместе с тем, и киргизские князья сначала видели в Русском государстве силу, которая способна защитить их от вторжений отрядов Алтын-хана. В 1629 г. красноярский казак Н. Хохряков, выговаривая киргизским князьям их “вины”, напомнил им: “Да вы же, кыргызы, говорили, чтоб вверх Енисея на Кемчюке реке государевым людям поставить острог для обороны Алтыновых людей, и вы бы, кыргызы, государю били челом, чтоб государь пожаловал, велел поставить острог”. В ответ князец Ишай сказал: “А на Кемчике де реке острог хотя ставите, хотя и нет. А нам де от Алтына пособи нет, потому что Алтыновы люди придут и по захребетью и нас повоюют” [Миллер, 2000, прил., № 259, с. 410–411]. Что касается собственных городков, то о них Ишай и не вспоминал.

Заключение

Историко-географический анализ документов, в которых, по мнению ряда исследователей, упоминаются “городки” енисейских киргизов, позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, утверждавшееся в литературе мнение о существовании в каждом киргизском улусе-княжестве укрепленных городков, служивших убежищами в период военной опасности, документально не подтверждается. Все известия о “киргизских городках” основаны на недоразумении и обусловлены некритическим и поверхностным чтением документов, в данном случае одного единственного – отписки красноярского воеводы М.Ф. Скрябина;

во-вторых, киргизский “каменный городок на Белом Миюсе”, упоминаемый в документах, таковыми не является. Казаки, вероятно, приняли за “каменный городок” один из курганных комплексов тагарской культуры I тыс. до н.э.;

в-третьих, в число “киргизских городков” исследователи включают и городки киштымов, проживавших в горно-таежной местности кизылов, бусагаров и ряда других.

Список литературы

Абыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII веке: (Исторический очерк). – Фрунзе: Ылым, 1968. – 138 с.

Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 1: XVI век. – 280 с.

Бахрушин С.В. Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3, ч. 2. – С. 176–224.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1950. – С. 23–210. – (Тр. Том. гос. ун-та; т. 112).

Бутанав В.Я., Абыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. – Абакан: Хак. гос. ун-т, 1995. – 257 с.

Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ. 1642 – после 1720 гг. – М.: Наука, 1965. – 263 с.

Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Комментарии // Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Наука, 1974. – С. 407–428.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Долгих Б.О. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. // История Сибири. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. – Карта-вкладыш.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссию. – СПб., 1867. – Т. 10. – 504 с.

Ермоленко А.В. Поиски Обского городка – первого русского укрепленного поселения в Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск: Изд. дом “Наука”, 2004. – С. 194–196.

Есиповская летопись по Сычевскому списку // Сибирские летописи. – СПб.: Археогр. комиссия, 1907. – С. 105–170.

Есиповская летопись: Основная редакция // Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. – С. 42–78.

Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1964. – 482 с.

Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? (Этнографические очерки). – Кемерово: Кн. изд-во, 1989. – 189 с.

Красноярский край: Атлас. – Новосибирск: ФГУП “Новосиб. картограф. фабрика”, 2005 – 105 с.

Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири: Спецкурс. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. – 134 с.

Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – С. 135–195.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Издат. фирма “Вост. лит.” РАН, 1999. – 2-е изд., доп. – Т. 1. – 630 с.; 2000. – Т. 2. – 796 с.

Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1866. – Кн. 4, отд. 2. – С. 1–128.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. – 307 с.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVII – первой половины XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1982. – 220 с.

Резун Д.Я. Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). – Новосибирск: Наука, 1984. – 196 с.

Ремезов С.У. Чертежная Книга Сибири. – СПб.: Археогр. комиссия, 1882. – 58 с.

Риттер К. Землеведение Азии. – СПб., 1877. – Т. 4: Дополнение к т. 3 / Сост. П.П. Семенов, Г.Н. Потанин. – XI, 695, XLII с.

Русско-монгольские отношения. 1607–1636: Сб. док-тов / Сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Вост. лит., 1959. – 352 с.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654: Сб. док-тов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Наука, 1974. – 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док-тов / Сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Издат. фирма “Вост. лит.” РАН, 1996. – 560 с.

Сербина К.Н. Карта Сибири первой половины XVII в. // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М.: Издат. фирма “Вост. лит.” РАН, 2000. – Т. 2. – Карта-вкладыш.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (Сер. “История Сибири. Первоисточники”; вып. 6).

Слесарчук Г.И. Комментарии // Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. док-тов / Сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. – М.: Издат. фирма “Вост. лит.” РАН, 1996. – С. 445–504.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1987. – Вып. 12. – 384 с.

Строгановская летопись по списку Спасского // Сибирские летописи. – СПб.: Археогр. комиссия, 1907. – С. 1–46.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российской оружием. – СПб., 1774. – 631 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.